

Он уже начал размышлять о планах на будущее. Прожив долгие годы наемником в прошлой жизни, а после апокалипсиса — погрязнув в бесконечных интригах и борьбе за власть в поселениях, он смертельно устал от этой суеты. Сейчас ему хотелось лишь одного — спокойной, размеренной жизни.

За последние дни он внимательно присмотрелся к быту местных жителей и пришел к выводу, что здешние крестьяне живут крайне бедно. Хотя голодная смерть им не грозила, богатство было распределено крайне неравномерно. У каждой семьи было совсем немного собственного имущества. Возьмем, к примеру, землю, от которой зависело их выживание: у большинства имелось лишь несколько собственных му земли, а остальное приходилось арендовать у богатых помещиков, ежегодно отдавая львиную долю урожая или серебра в качестве арендной платы.

Такое положение дел приводило к тому, что богачи, не ударив палец о палец, становились лишь зажиточнее, в то время как бедняки едва сводили концы с концами, поколениями гнули спины на полях. И только если кому-то из потомков выпадал редкий шанс вырваться, социальный статус мог измениться — классовое расслоение было очевидным.

У Цинъюань испытывал определенное сочувствие, но такова была реальность этой эпохи, и изменить её в одночасье он не мог. Разумеется, он не хотел, чтобы его потомки влачили жалкое существование, копаясь в земле, поэтому решил со временем скупать участки и самому стать помещиком-рантье. А затем, подобно другим богатеям, открыть в городке или уездном центре зерновую лавку или ресторан. Если дети окажутся толковыми, то на несколько поколений вперед можно будет забыть о нужде. Его дар стихии дерева как нельзя лучше подходил для развития в этом направлении.

Однако все это — дела не одного дня. А сейчас на горизонте появилась возможность подзаработать, и было бы глупо упускать её. Когда он узнал от старика Чжоу, что попал в эпоху древности, то подстраховался: скачал из сети массу информации. В тот момент он не знал, пригодится ли это, но понимал — знания, опережающие время на тысячи лет, в этом мире станут настоящим сокровищем. Он распечатал всё подряд и сложил в пространственное хранилище, благо бумага места много не занимала.

Старик Чжоу, будучи человеком простым, знал лишь о жизни бедноты, о тяготах и голоде, поэтому у Цинъюань поначалу решил, что попал в почти первобытный мир. В итоге большую часть данных он подготовил именно по вопросам повседневной жизни: еде, одежде, жилью и транспорту. Память у него была отменная, и хотя запомнить всё досконально он не мог, общее представление о содержимом архивов имел. Он отлично помнил, что среди материалов были и методы производства древесного угля.

За эти дни он ненавязчиво расспросил местных. Оказалось, жители и сами умеют жечь уголь, но сделать это качественно — настоящее искусство. Уголь, который получали простые крестьяне, был ужасного качества: горел недолго, а дымил так сильно, что использовать его в помещении было невозможно. В противном случае — верное отравление угарным газом и смерть. Поэтому зимой крестьяне были вынуждены покупать хороший уголь, даже если цена доходила до десятка с лишним монет за цзинь — зубами скрипели, но платили, иначе зиму не пережить.

Огромный спрос делал торговлю углем крайне прибыльным делом. Тот, кто умел его производить, мог разбогатеть. Конечно, лишь до определенного предела, ведь весь бизнес в округе на сотню ли был монополизирован крупными помещиками. Простые люди не могли посягнуть на их основы, им доставались лишь крохи.

— Брат У, не сочти за грубость, но производство угля — дело тонкое, — Линь Лаогэнь обеспокоенно смотрел на него. — У нас в деревне жил некий Чэнь, мастер по этой части. Делал для себя, продавал соседям — жил неплохо. Но пожадничал, вложил всё до копейки в строительство большой печи, решил развернуться. А это не так просто: если партия удалась — прибыль огромная, а если сгорит — разоришься вмиг. Семья Чэня была самой богатой, а стала самой нищей. Земли и дом ушли с молотка, теперь они в городке на подработках перебиваются.

Линь Лаогэнь не одобрял идею У Цинъюаня. Если бы тот просто жег немного угля на продажу — это был бы хороший приработок. Но строительство печи — огромный риск. Для одной загрузки нужны сотни, тысячи цзиней древесины. Ошибка — и убытки колоссальные. Линь Лаогэнь искренне переживал, да и Линь Амо с Чжоу-гэ смотрели на него с тревогой: юнцы мало понимали в бизнесе, но история семьи Чэнь их пугала.

— Брат У, ты ведь лечить умеешь? — Линь Лаогэнь решил зайти с другой стороны. — В деревне или городке врачеванием можно заработать и деньги, и уважение. Зачем тебе торговля? В нашем обществе купцы стоят на низшей ступени.

— Дядюшка Линь, мои познания в медицине поверхностны, настоящим врачом мне не стать, — ответил У Цинъюань. — Риски я просчитал и хочу попробовать.

Его дар действительно обладал целебными свойствами, но возможности были ограничены — с ранами или отравлениями он справится, но серьезные болезни — это другое. Он не святой и не всемогущий. К тому же, у врача огромная ответственность, легко навлечь на себя судебные тяжбы из-за смерти пациента.

Что касается угля, он всё продумал. Анализируя историю семьи Чэнь, он понял: дело было не только в технологии. Главное — сырье. Хороший уголь получается только из качественной древесины, а крестьяне экономили на ней. Чэнь прогорел, потому что после постройки печи у него не осталось денег на покупку добротного дерева. Такова печальная участь бедняков в бизнесе. Но у него, У Цинъюаня, достаточно серебра, и даже если он прогорит, это не станет для него ударом — максимум потеряет несколько сотен лян.

— Что ж, раз ты так уверен, отговаривать не стану, — вздохнул Линь Лаогэнь, видя решимость собеседника. — Но строить печь с нуля — дорого и долго. У того же Чэня остались две пустующие печи. Я схожу, поговорю с ним, может, продаст тебе готовые. Если всё пойдет хорошо, к зиме уже будешь с прибылью.

— Благодарю, дядюшка Линь, вы так добры ко мне! — У Цинъюань искренне улыбнулся. Ему невероятно повезло встретить такого отзывчивого человека.

— Пустяки, всё равно в город часто ездим, — отмахнулся Линь Лаогэнь.

— Папа, не надо в город, завтра просто ходим к семье Чжан, — внезапно подал голос Линь Амо, переглянувшись с Чжоу-гэ.

— К Чжанам? — У Цинъюань и Линь Лаогэнь переглянулись в недоумении.

— Папа, говорят, семья Чэнь собирается вернуться в деревню. Госпожа Чэнь сейчас как раз приводит в порядок старый дом, живут они пока у брата Дачжу, — хитро прищурился Линь Амо.

— Верно, госпожа Чэнь и мать Дачжу — сестры, — добавил Чжоу-гэ, краснея.

У Цинъюань перевел взгляд с хитрого Линь Амо на смущенного Чжоу-гэ и всё понял. Покупать печь у мужчины-Чэня через его жену, да еще и приплетая семью Чжан — интрига явно была затеяна не без участия Линь Амо.

— Ну и хитрец же ты, — У Цинъюань отложил палочки и улыбнулся, глядя на мальчишку, который подмигивал Чжоу-гэ.

На следующее утро, как и договаривались, Линь Лаогэнь повел У Цинъюаня к Чжанам. Линь Лаогэнь был поражен: он-то думал, что у У Цинъюаня лишь пара грошей в кармане, раз тот не покупает землю, а тут — такие вложения. Печи, сырье... это же сотни лян!

Дом Чжанов был обычным, глинобитным, но очень ухоженным — ни грязи, ни мусора. Во дворе семейство обрабатывало лесные ягоды.

— Сестрица, вы правда хотите купить землю? — спрашивала госпожа Чжан у своей старшей сестры, госпожи Чэнь. — Сейчас цены кусаются. Может, лучше арендовать?

— Мой муж не может без своей земли, — вздохнула госпожа Чэнь. — Мы вернемся, Гоуцзы и его отец много работали, накопили немного. Хочется осесть, а не скитаться по городским подработкам.

— Главное, чтобы муж опять не затеял авантюру с угольной печью, — заметила госпожа Чжан.

В этот момент во дворе послышался стук в ворота.

— Кто там? Не заперто, входите! — крикнула госпожа Чжан.

— Это я, Линь Лаогэнь! — отозвался голос.

Когда они вошли, госпожа Чжан удивилась:

— Брат Лаогэнь? Что привело тебя в будний день? А это кто с тобой?

— Это брат У, тот самый, что приехал искать родственников, — представил его Линь Лаогэнь.

— Родственников... — госпожа Чжан замерла. — Неужели... двоюродный брат Чжоу-гэ?

— Именно! — подтвердил Линь Лаогэнь.

В этот момент из дома пулей вылетел Чжан Дачжу, увидев гостя, он радостно выпалил:

— Брат!

— ... — У Цинъюань на секунду опешил, а потом рассмеялся.

Госпожа Чжан покраснела, дернула сына за рукав и затараторила:

— Ой, простите, брат У! Дачжу такой нетерпеливый, перепутал всё от радости. Проходите, садитесь, давайте поговорим!

<http://bllate.org/book/20032/1977523>